

УДК 327.3; 327.5; 327.7

Юраков М.В.*Институт США и Канады РАН (г. Москва)*

ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В АФГАНИСТАНЕ НА ПРОСТРАНСТВО ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена анализу проблем, связанных с вероятными угрозами безопасности Центральной Азии, а также позициям России и Китая в регионе. Вывод войск МССБ из Афганистана является для Талибана удобным поводом возобновить активные боевые действия в стране. Такое развитие событий предсказуемо обернется распространением нестабильности не только в самом Афганистане, но и на весь регион ЦА. Это, в свою очередь, является прямой угрозой безопасности южных границ России. В статье проводится анализ последствий, которые несет в себе вывод войск НАТО из Афганистана, а также дается прогноз, как нестабильность в этом государстве скажется на странах Центральной Азии.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика, безопасность, политический режим, национальные интересы, терроризм, наркотрафик, исламизм, международный конфликт, Афганистан, США, Центральная Азия, НАТО, МССБ.

M. Yurakov*Institute of US and Canada of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

THE PROBLEM OF SPREADING AFGHANISTAN'S INSTABILITY ONTO THE REGION OF CENTRAL ASIA

Abstract. The article analyzes a number of problems connected with probable risks to security in Central Asia and to the position of Russia and China in the region. An upcoming withdrawal of ISAF troops from Afghanistan is a convenient occasion for the Taliban to resume active hostilities in the country. Such pace of developments will result in a predictable spread of instability not only in Afghanistan, but also onto the entire region of Central Asia, which is also a direct threat to the security of the southern borders of Russia. The article analyzes the consequences of withdrawal of NATO troops from Afghanistan. Besides, a forecast is given which shows the way the instability in this state would affect the countries of Central Asia.

Key words: international relations, foreign policy, security, political regime, national interests, terrorism, drug trafficking, Islamism, international conflict, Afghanistan, the U.S.A, Central Asia, NATO, ISAF.

С самого начала XXI в политическая ситуация в Средней Азии с каждым годом все сильнее зависит от неопределенного положения Афга-

нистана, который продолжает пребывать в затянувшемся военном и политическом кризисе. Афганский кризис уже 13 лет не перестает быть в ряду крупнейших проблем международ-

ных отношений. Крупная контртеррористическая операция под эгидой США и НАТО не только не достигла поставленных целей, но и спровоцировала рост экстремизма, терроризма, этнической преступности, нелегальной торговли оружием и многое другое, что стало головной болью как для соседних с Афганистаном государств, так и для всего огромного Евразийского континента. И если для соседей второго порядка эти угрозы отдаются эхом, то для приграничных государств решение афганского вопроса остается жизненно важной задачей.

В качестве примера, какой нестабильностью могут обернуться события в Афганистане для Центральной Азии, можно привести «Арабскую весну» 2010-2012 гг. Она стала возможной из-за того, что в странах с арабским населением традиционно консервативное общество не допускало изменения социального и политического положения людей, элита была закрыта, отсутствовала связь между поколениями.

Лидеры, которых свергали в ходе революций, находились у власти по несколько десятков лет. За это время власть становилась насквозь коррумпированной, она теряла доверие населения. Наблюдалось наличие оппозиции в лице радикальных исламистов (которые, например, и пришли к власти в Египте и Ливии после свержения Мубарака и Каддафи соответственно).

Если посмотреть на страны Средней Азии, то можно проследить схожие симптомы, связанные с политической и социально-экономической неудовлетворенностью населения, а также с набирающей популярность радикальной оппозицией, носящей лицо воин-

ствующего ислама, преимущественно в Узбекистане и Таджикистане.

В связи с этим существует опасность того, что подобные процессы, которые можно было наблюдать в ходе «Арабской весны», найдут благодатную почву в Центральной Азии. Экспортеры «революции» останутся те же (Саудовская Аравия, Турция, Катар), так же, как и «группа поддержки» в лице заинтересованных государств Запада (США и Великобритании в первую очередь), которым необходимо ослабить позиции России и КНР [2, с. 1].

Афганистан в данном контексте может сыграть роль бомбы замедленного действия. После планируемого в начале 2015 г. вывода войск НАТО из страны, Афганистан почти наверняка будет ввергнут в пучину нового витка гражданской войны, нестабильность от которой быстро перекинется и на Среднюю Азию. Эти события вполне могут произойти в течение нескольких лет. Поэтому уже сейчас можно констатировать, что острая фаза войны в Афганистане может начаться в ближайшие годы.

В связи с этим для государств региона жизненно важно подготовиться к такому сценарию развития политической ситуации и укреплять национальные силовые структуры и политические ведомства. Помимо этого, странам ЦА стоит расширять сотрудничество в соответствующих сферах с Россией и Китаем на двусторонних основах, а также в рамках существующих организаций: ШОС и ОДКБ.

Однако тут существуют трудности. Лишь Казахстан полностью открыт для этих инициатив. Остальные государства ЦА страдают от тех же проблем, что и большинство арабских стран:

общества и элиты поделены на кланы, власть коррумпирована и преследует только свои интересы. В таких условиях вероятность адекватного сотрудничества между силовыми ведомствами крайне невелика. Стоит также отметить, что Киргизия уже пережила одну революцию, и обстановка в республике наглядным образом показывает, что вероятность новой не исчезает.

Медленно, но верно растет влияние ОПГ и исламистского подполья, в первую очередь Исламского движения Узбекистана (ИДУ). Они контролируют поток наркотиков из Афганистана через ЦАР. Официальные власти едва ли полностью держат государственные границы и даже некоторые районы внутри стран под контролем [6, с. 120].

Уже сейчас параллельно с медленным ухудшением состояния экономик некоторых государств Средней Азии можно наблюдать усиление присутствия саудитов и Катара в Таджикистане и Киргизии. Эти страны (а также Турция) активно содействуют культурному проникновению: открываются различные школы с соответствующим исламистским обучением, медресе и пр. Исходя из этих тенденций можно предположить, что именно Киргизия станет исходной точкой вероятной череды «цветных революций» в ЦАР.

Выбор Киргизии обусловлен ее географическим и политическим положением. Во-первых, на ее территории удобно размещать радикальные исламистские формирования. Во-вторых, их легко перебрасывать по всему региону и не только: под угрозой будет находиться даже Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) КНР [3, с. 61]. В-третьих, по сравнению с Таджикистаном, в КНР почти отсутствует

влияние шиитского Ирана, который, как известно, является основным соперником саудитов в борьбе за лидерство в исламском мире.

Сегодня в кругах политологов отмечается, что в случае прорыва связанных с «Аль-Каидой» и «Талибаном» экстремистских группировок из Афганистана объектами их активности станут наименее развитые государства ЦАР: Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Впрочем, нестабильность может распространиться и на закрытый Туркменистан, и даже на благополучный Казахстан [5, с. 2]. Такой интерес к относительно далеким от Афганистана странам объясняется легко – исламские экстремисты представлены в первую очередь боевиками ИДУ и завербованными гражданами России из исламских районов: Татарстана, Башкортостана, Чечни, Ингушетии, Дагестана. Именно они, а не этнические афганцы или арабы составляют основу экстремистов, жаждущих создания Центральноазиатского халифата.

Впрочем, недооценивать боевиков из Афганистана нельзя. Именно они окажут всяческую помощь своим «братьям по вере» из джамаата «Уйгур-Булгар» и ИДУ. Высока вероятность развития противостояния по сирийскому варианту, когда имела место значительная кооперация разведок Пакистана и Саудовской Аравии по подготовке боевиков на территории «Талибана» и в сотрудничестве с ним. Новоиспеченные «борцы за веру» до сих пор ведут непрекращающуюся диверсионную войну против правительственных войск в Сирии.

Отсюда следует логичный вывод: чтобы стабилизировать регион, необходимо свести к минимуму влияние

радикальных исламистских проповедников на население. Их идеология – т.н. «мусульманская справедливость» – отличная формулировка и лозунг для объединения всех маргинальных слоев общества и экстремистов для свержения власти. Поэтому необходимо ликвидировать исламистские группировки в каждой отдельно взятой стране, чтобы не допустить эскалации в дальнейшем [1, с. 53].

Помимо этого, следует обратить внимание на этнический фактор. В Киргизии существует довольно крупная диаспора уйгуров, которые являются также и главным дестабилизирующим фактором на территории Китая. Поэтому имела бы смысл кооперация киргизских силовых ведомств с их китайскими коллегами из Министерства общественной безопасности. Последние могли бы организовать мониторинг уйгурских экстремистов на территории СУАР с целью выявления их связей и возможных планируемых действий с киргизскими боевиками.

В качестве превентивной меры имеет смысл учесть роль Турции в организации революции в Ливии и инспирировании гражданской войны в Сирии и начать вытеснение влияния и сужение рамок влияния Анкары из Центральной Азии. При этом особое внимание надо уделить ревизии различных организаций по объединению тюркских народов (ТЮРКСОЛ). Все подобные фонды работают под эгидой Бюро военной разведки.

Другим объектом для ревизии должны послужить отделения финансируемой Турцией и США организации «Нурджулар» [1, с. 53]. Если в регионе все же начнется волна «цветных революций», ее могут задействовать в

роли факторов влияния. Не стоит забывать и об ОПГ и криминализованных кланах, которые контролируют наркотрафик. Киргизская революция 2010 г. отчетливо иллюстрирует, насколько они влияют на градус протеста и организованность вооруженных беспорядков.

Пример майдана показал, что государство, на территории которого попытка государственного переворота, не имеет никаких шансов для получения каких-то гарантий от организаторов дестабилизационной деятельности – их попросту не станут выполнять [4, с. 23]. США, ваххабитские монархии Саудовской Аравии и Катара, исламизирующаяся Турция и даже некоторые страны Евросоюза не приемлют сложившуюся относительно стабильную ситуацию в течение долгого времени – она попросту мешает им в реализации своих собственных интересов в регионе. Поэтому странам ЦАР, России и Китаю уже сейчас стоит обратить внимание и на вероятные очаги исламистской революции – помимо Киргизии, это территория Ферганской долины в Узбекистане. В зоне риска также Дагестан, Афганистан, Таджикистан и даже СУАР.

Если брать за образец пример текущей войны в Сирии (и даже вооруженного переворота на Украине), можно предположить, что, если на территории государств ЦА разразится политический кризис, основные экспортеры революций (в лице США, Турции и др.) начнут обеспечивать деньгами и политической пропагандой представителей оппозиции. Пакистан и Саудовская Аравия займутся непосредственно боевиками: их обучением, финансированием, логистикой; не ис-

ключено участие Турции и Катара. Все имеют свои интересы, и конкуренция между «организаторами» довольно высока.

Спецслужбы западных государств примут более опосредованное участие в организации нестабильности. Их задачей с большой долей вероятности станет подготовка местных бойцов для удержания важных объектов ядерной, химической и биологической промышленности, оставшихся со времен Советского Союза, чтобы они не перешли под контроль исламских экстремистов. Вопрос пропаганды в целях формирования необходимого «организаторам» мнения в контексте дестабилизации обстановки в Центральной Азии фактически решен. Подконтрольные государствам американские и европейские СМИ, а также крупные телеканалы БСВ вроде «Аль-Джазиры», учитывая их доминирование в информационном поле, легко сформируют «правильное» мнение у населения. Впрочем, у многих развивающихся стран национальные СМИ, как правило, занимают скептическую позицию по отношению к точкам зрения первых западных информационных и новостных агентств, исходя из освещения различных конфликтов последних двух десятилетий.

Уже сейчас можно констатировать, что существует вероятность открытого военного вмешательства союзников и ближайших партнеров стран региона – Москвы и Пекина. Происходить это может как в рамках ОДКБ, так и под эгидой ШОС. Хотя практика показывает, что обе державы вполне могут предпочесть лишь наблюдение за ситуацией, усиление контроля на границах и в крайнем случае – небольшие операции. В случае угрозы для Казахстана,

Россия, однако, может также ввести войска по крымскому сценарию. Если же заокеанские и ближневосточные экспортеры нестабильности сделают попытку использовать ООН, как в ситуации с Ливией, она будет заблокирована и Россией, и Китаем, что показал сирийский пример.

Государства, которые стоят за гипотетической «Азиатской весной», имеют схожие задачи: укрепление зоны влияния в Центральной Азии (если необходимо – включая уничтожение государственности), создание марионеточных властей, управление местными кланами и ОПГ. Но приоритеты у всех разнятся, причем порой настолько, что в будущем могут привести к новой фазе нестабильности. Рассмотрим эти приоритеты.

1) США: нивелирование позиций России и Китая, создание платформы для сдерживания КНР в будущем;

2) Саудовская Аравия и Катар: продвижение исламистской идеологии в Среднюю Азию, получение новых зон влияния в виде новообразованных халифатов, опосредованное ослабление влияния Ирана;

3) Турция: продвижение идей пантюркизма, т.е. фактическая экспансия Турции согласно плану «Неооттоманской Порты»;

4) Евросоюз: новый рынок сбыта и источник экономических привилегий, а также улучшение отношений со всеми задействованными акторами.

Однако, несмотря на высокую вероятность данного прогноза, назвать его во всех отношениях благоприятным для упомянутых акторов нельзя. «Арабская весна» (как и государственный переворот на Украине) показали, что все внешние игроки, вовлеченные

в антиправительственные акции и государственные перевороты, преследуют собственные интересы, поэтому действуют скооперированно лишь в течение короткого промежутка времени, от полугода до двух лет. Конфликтов между ними хватает: Штаты имеют разногласия с Турцией и Аравией, Катар – с Францией и Великобританией, а последние – с США. Исламские страны традиционно преследуют только свои интересы, не считаясь с данными договоренностями.

Возможное применение теории управляемого хаоса, которая в контексте региона будет выглядеть как «Центральноазиатская весна», которую можно разделить на восемь этапов:

1. создание напряжения в различных частях государств, использование провокаторов для начала беспорядков, вызванных столкновением между недовольным населением и силовиками. Всё транслируется с помощью арабских и западных СМИ, широко освещающих кадры с жертвами этих столкновений;

2. использование агентов влияния в лице кланов, радикальных исламистов, маргинальной интеллигенции, которые недовольны своим положением. Все они будут вносить свою лепту в свержение существующего режима;

3. воспитание и «вскармливание» лидеров оппозиции за пределами Центральной Азии (как и в случае с другими «цветными революциями»), а также рядовых боевиков уже в пределах ЦАР. Возможно создание исламского интернационала (как в случае с повстанцами в Сирии). В то же время, в странах Запада, в Турции и заинтересованных арабских государствах СМИ

ведут мощную кампанию поддержки оппозиции, которая со временем превращается в полноценную информационную войну. Используются громкие лозунги о защите прав человека и мусульманской солидарности;

4. применение различных рычагов давления на власть: попытка очернения правящего режима, точечные санкции против представителей элиты, ослабление дипломатических связей, экономические санкции и прекращение торговли, шантаж с заморозкой национальных и элитарных денежных средств в европейских банках (то есть все механизмы, попытка использования которых была безуспешно применена против России после воссоединения с Крымом);

5. использование афганского фактора – приграничные с Афганистаном области к тому времени будут зоной нестабильности ввиду активизации «Талибана». Осуществление подготовки вооруженной оппозиции в лагерях боевиков;

6. использование исламских банков для финансирования деятельности радикально настроенной исламистской оппозиции;

7. формирование транспортной сети для быстрой переброски готовых радикалов и оборудования из Афганистана в ЦАР;

8. создание организованных оппозиционных группировок во всех важных пунктах – городах, заводах, промышленных центрах [2, С. 3].

По сути, все остальное – лишь частности. Скорее всего, активная часть волнения закончится тем, что организованные экстремисты возьмут под контроль все основные центры коммуникации: электростанции, ЛЭП,

станции водоснабжения. В зоне риска, в первую очередь, Киргизия и Таджикистан. Однако итоги будут зависеть уже от того, насколько успешно действующие игроки смогут организовать свою деятельность, и от того, как будут действовать главные внешние акторы, против которых, собственно, и будет направлена вся операция по превращению ЦАР в зону нестабильности – для РФ и КНР.

Скорее всего, поводом для начала этой ширококомасштабной операции станет смена высшего руководства в одной из ведущих центральноазиатских стран, либо за некоторое время до этого (если информация по передаче власти будет достоверно известна заинтересованным игрокам) [2, с. 3]. Исходя из примеров Сирии и Украины, любая попытка прекратить массовые протесты с использованием силовых ведомств будет тиражироваться СМИ как «жестокое репрессии кровавого режима против мирных демонстрантов» и станет элементом информационной борьбы.

Таков прогноз для самых уязвимых государств Средней Азии – Киргизии и Таджикистана. Их государственность слабеет, влияние исламских экстремистов, представителей наркокартелей и ОПГ возрастает, так же, как и влияние Саудовской Аравии и Турции (как в политическом, так и в культурном плане). Вероятное распространение нестабильности из Афганистана на другие государства региона не столь очевидно ввиду их лучшего экономического и политического состояния.

В наиболее защищенном состоянии находится самое развитое государство ЦАР – Казахстан. Именно он способен провести полный комплекс мер по

предотвращению ширококомасштабной кампании управляемого хаоса, включая постоянный мониторинг внутриполитической ситуации, подготовку силовых структур, пресечение финансирования оппозиции из-за рубежа, выработку собственных сценариев поведения на случай усиления напряженности в регионе и т.д.

Главной итоговой целью для экстремистов и их покровителей станет, скорее всего, Узбекистан. Руководство республики выбрало политику изоляционизма, которая основывается, с одной стороны, на стремлении к лидерству в ЦА, а с другой – на балансе сотрудничества с США и Россией. Пример «Арабской весны» в Тунисе, Египте, Ливии показал, что президент Ислам Каримов, много лет проводивший политику возвышения силовых структур, укрепления границ и провоцирования периодических конфликтов с соседями, не сможет осуществить мирную передачу власти своему преемнику.

Отдельно от всех стран региона стоит рассмотреть Туркмению. Республика проводит самую активную политику изоляции, однако нынешний президент Г. Бердымухаммедов не обладает таким же влиянием, как его предшественник С. Ниязов. При его правлении ведущие кланы стали не столь лояльны власти, национальная элита также перестала быть абсолютно преданной лидеру.

Помимо ухудшения ситуации «в верхах», можно наблюдать и размежевание среди населения Туркменистана. В обществе в последние годы значительно усилили свои позиции салафиты, что особенно заметно в Прикаспийском регионе. Их деятель-

ность традиционно направлена против светских властей, и финансируется она либо из Афганистана, либо через районы Ирана с суннитским населением. Наличие и усиление таких экстремистских групп создает угрозу для безопасности Туркменистана и может быть использовано заинтересованными сторонами для распространения нестабильности в республику.

В этом случае также можно сделать вывод, что Туркмения стала заложником своих газовых месторождений. Ресурсы республики представляют интерес для *их* экономических конкурентов из Катара, а также для руководства Пакистана и «Талибана». Власти в Дохе, за спиной которых стоит американская администрация, заинтересованы в прокладке газопровода через Афганистан в Пакистан, что, в свою очередь, наносит ущерб сразу трем конкурентам арабского эмирата: Ирану, России и Китаю. Ввиду этого, Туркмения вполне может стать объектом политической интриги и жертвой нестабильности, которая потенциально способна потрясти регион.

В итоге можно констатировать, что нестабильность в Афганистане, которая почти неминуемо возникнет после ухода контингента НАТО, с большой долей вероятности перекинется на регион Центральной Азии и нанесет ущерб не только собственно государствам региона, но и их крупным соседям – РФ и КНР. С уверенностью можно утверждать, что до 2020 г. в регионе не состоится военное вторжение со стороны Североатлантического

альянса либо другого военно-политического блока. Роль интервентов будет отведена именно радикальным исламистским объединениям, проблема оснащения которых уже решена в связи с наличием в соседнем Афганистане крупных складов с техникой и вооружением образца НАТО.

В случае эскалации политической ситуации также очевидны поставки вооружения странам региона со стороны РФ и КНР и, возможно, Ирана. Это почти наверняка натолкнется на негативную реакцию мирового сообщества, однако оба государства уже доказали свою принципиальность и последовательность в отстаивании национальных интересов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Олкотт М. Центральная Азия: перспективы смены власти // Pro et Contra – 2012. – С. 53.
2. Сатановский Е. Дестабилизация Центральной Азии// Институт Ближнего Востока. 2014. февраль С. 1.
3. Сыроежкин К.Л. Мифы и реальности этнического сепаратизма в Китае и безопасность Центральной Азии. – Алматы, 2009. – С. 61.
4. Троицкий Е. Политика США в Центральной Азии. – Томск, 2012. – С. 23.
5. Фальков М. Исламское движение Узбекистана (ИДУ) // Независимая газета. – М., 2013. – С. 2.
6. Южный фланг СНГ. Центральная Азия – Каспий – Кавказ: возможности и вызовы для России / Под ред. М.М. Наринского и А.В. Мальгина. – М., 2003. – 120 с.